

© 2005 М. А. Дамирли

Международный гуманитарный университет (г. Одесса)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

В настоящее время наиболее четко вырисовывается только одна из внесенных в заглавие настоящей статьи дисциплин – история правовой мысли, которая традиционно именуется «история политических и правовых учений» или «история учений о государстве и праве». Что касается истории философии права, то в юридической литературе самостоятельное существование ее молчаливо игнорируется, а в лучшем случае она отождествляется с историей правовой мысли [1, с. 3; 3, с. 12]. По всей очевидности, этому способствовали те близкие связи этих дисциплин, которые существуют между ними и их роднят. А в тех редких случаях, когда между указанными дисциплинами проводится линия разграничения, остается немало дискуссионных вопросов [9, с. 7-8].

Действительно, историю философии права и историю правовой мысли роднит многое.

Во-первых, предметная область истории философии права во многом пересекается с предметной областью истории правовой мысли: и там и здесь объектом является теоретическое знание, в обоих случаях изучаются зачастую мысли одних и тех же выдающихся людей. В центре внимания обеих дисциплин находится историческое развитие правовой мысли, идей; обе они относятся к разряду так называемой истории идей.

Во-вторых, указанные дисциплины бытуют в форме исторической саморефлексии. Квинтэссенцией этих дисциплин является наличие двойной рефлексии: первая рефлексия – это наблюдение в истории, когда объектом являлась сама реальность, вторая рефлексия – это наблюдение с точки зрения сегодняшнего дня, когда объектами выступают знания (рефлексия) об этой реальности, т.е. продукты первого наблюдения [7, с. 20; 16, с. 9].

В-третьих, источниковедческая база подчас является общей для этих дисциплин: исследователь в обеих дисциплинах имеет дело с текстами, среди которых подавляющее большинство составляют сочинения на правовую проблематику.

В-четвертых, в рамках данных дисциплин освещаются проблемы исторического становления и развития многих правовых категорий и понятий и т.д.

Вот почему зачастую трудно отграничить указанные дисциплины друг от друга. Тем не менее, представляется, что каждый из них имеет свою предметную специфику.

Главное в предметной специфике истории философии права заключается в том, что в ее объект в отличие от истории правовой мысли входит не всякое теоретико-правовое знание, а лишь такое знание философского характера, т.е. философско-правовое знание, философская мысль о праве. Соответственно, история философии права имеет своим предметом философию права в ее временном измерении, иначе говоря, исторический процесс формирования философско-правового знания.

Поскольку философия права формируется и продолжает свое развитие в лоне истории философии права, постольку всестороннее изучение первой непременно предполагает вторую. В этой связи верно замечание о том, что, с одной стороны, «философия существует и продолжает существовать только в качестве истории, которую создают философы», а с другой – нередко «история философии выступает в качестве философской деятельности» [11, с. 58, 62].

История философии права является историческим самопониманием философии права. Она – разновидность философско-правовых знаний, дисциплина философско-правовая, подобно тому, как история философии является дисциплиной философской. Что касается истории правовой мысли, то она в известной мере выполняет роль истории общей теории права. Поэтому качественное различие между историей философии права и историей правовой мысли естественнее всего устанавливать на основании различения философии права (или философского подхода) и теории права (или юридического подхода). В этом плане их соотношение в известной степени может быть рассмотрено как соотношение философии права и теории права, но только взятые в историческом измерении.

В юридической теории конечной предметной задачей является выявление общих закономерностей развития и функционирования права, а в философии права акцент делается на философскую позицию, определенное философско-миро-

воззренческое постижение, интерпретацию предмета, каковым является социально-правовая реальность «в качестве наличного бытия в своих универсальных свойствах» [8, с. 29, 34].

Философия права и юридическая теория представляют собой качественно разные стили мышления. Способом приобретения знания для философии права является специфический стиль мышления – философствование. В этом плане философию права (следовательно, и историю философии права) отличает степень рефлексивности. Ей присуща философская рефлексия и дискурс [14, с. 15], которые являются не простым отражением в собственном смысле этого слова, а конструированием смысла [11, с. 94].

Отличие философии права от теории права – значит, и истории философии права от истории правовой мысли – можно выявить также через проблему понимания.

В указанной плоскости своеобразно разграничивает историю философии права и историю правовой мысли (в авторской редакции – историю правовых учений) Ю. Пермяков. Так, результатом познания в рамках политико-правовых учений, согласно автору, является внеличностное знание («наука изучает мир, из которого предварительно удален субъект, именно поэтому научное знание внеличностно»): мы изучаем труды мыслителей прошлого такими, какими они были и существуют вне нас, ибо они существуют в истории, где нас не было. Ю. Пермяков, исходя из предпосылки о том, что философия наукой не является (соответственно, он отказывает философии вообще и философии права в частности в научном статусе), приходит к выводу, что в ходе философского познания субъект устанавливает связи не только с тем отрезком времени, который мы называем «современность», но и вписывает себя в круг тех идей, которые возникли задолго до нее, которые оформили менталитет народа, повлияли на понимание справедливости и т.д. В данном случае, по мнению автора, история не противостоит познающему субъекту как вереница внешних ему событий и доктрин, она теряет свою хронологию и субъект становится субъектом исторического действия, т.е. историческим человеком [9, с. 7]. Другой вывод автора состоит в том, что наука в отличие от философии, оперирующей категорией «смысл», не ставит себе задачей поиск смысла того или иного исторического действия [9, с. 8].

Отвлекаясь от тезиса о том, что философия наукой не является (это – спор без конца, и среди самих философов нет общепринятого ответа на

этот вопрос), ограничусь следующими критическими замечаниями.

Во-первых, вызывает возражение мнение о том, что наука, – значит и историческая наука вообще, история правовой мысли в частности, – изучает мир, из которого предварительно удален субъект. Здесь налицо неверное понимание природы социально-гуманитарного познания, исторического в том числе. Забывается, что одной из характерных черт исторического познания заключается как раз в том, что познание социально-исторического объекта есть в то же время и познание субъекта, ибо он выступает в форме деятельности, где субъективное переходит в объективное, почему и изучение его объективных закономерностей выступает как познание сущности самого человека [5, с. 100-101]. В этом аспекте мы своей жизнью включены внутри мира как истории [17, с. 377]. Субъект исторического познания – это субъект истории. Как пишет Р. Арон, «историческая наука есть форма сознания, которое общество имеет о себе самом», «субъект исторического познания есть не чистый субъект, трансцендентальное я, а живой человек, историческое я, стремящийся понять свое прошлое и свою среду» [2, с. 529]. Прав также К. Ясперс, когда подчеркивает, что история непосредственно касается нас; а все то, что касается нас, тем самым составляет проблему настоящего для человека.

Особенность исторического изучения правовой мысли как всякого исторического познания вообще, истории идей в особенности, заключается в наличии здесь ситуации живого диалога, сменяющихся в процессе познания «вопросов» и «ответов», где субъект-объектные связи постоянно преобразуются в субъект-субъектные, интересующие отношения [7, с. 19]. Таким образом, человек в истории оказывается одновременно и объектом и субъектом как социального познания, так и социального действия.

Во-вторых, нельзя согласиться с утверждением, что наука в отличие от философии, оперирующей категорией «смысл», не ставит себе задачу поиска смысла того или иного исторического действия. С подобным взглядом, пожалуй, можно было бы согласиться, если не признать важности *понимания, интерпретации* для познания социокультурной реальности. Нельзя объяснить многие проблемы истории правовой мысли, не коснувшись проблемы понимания, ибо «объяснить что-то нельзя без понимания этого “чего-то”» [15, с. 63]. С другой стороны, при понимании, интерпретации на первое место выдвигается постижение смысла бытия. Ведь интерпретация,

– говоря словами П. Рикёра, – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом [12, с. 18].

Историческое (в том числе историко-правовое) познание направлено на раскрытие смысла. Это вытекает из природы историко-правового познания как гуманитарного знания, которое невозможно без отображения мотивационно-смысловых, ценностных факторов и целевых зависимостей, которые являются ключом к открытию субъективного мира человека [6, с. 16]. Между тем важно заметить, что «поскольку речь идет об историческом исследовании, то имеется в виду не какой-то метафизический смысл истории (его демонстрацией озабочена теология и философия), но тот смысл, который люди-участники исторического исследования приносили в свою жизнь, в окружавший их природный и социальный мир, в свое повседневное поведение. Историк не может отказаться от попыток расшифровки символических и знаковых систем, которыми люди прошлого наделяли действительность. Человек – animal symbolicum (Э. Кассирер), и ко всем текстам, в которых запечатлены мысли и действия актеров и авторов исторической драмы, необходимо применять герменевтические процедуры. Наука истории не может довольствоваться Erklären, ее конечной целью является Verstehen» [4, с. 249].

Таким образом, можно предположить, что содержание категории «смысл» имеет философский (и философско-исторический) и конкретно-исторический пласты. Эти пласты на примере истории правовой мысли и истории философии права могут быть прослежены следующим образом. Содержание категории «смысл» в истории правовой мысли находит свое наполнение в том, что оно связано с пониманием специфики исследуемой эпохи, выявлением ее своеобразных свойств, постижением изучаемого учения в его современной научно-теоретической значимости и когнитивной ценности, уяснением объективной социальной значимости (социального смысла) и личностного значения (личностного смысла) в воссоздании прошедшей исторической действительности, реконструкции исторических ситуаций [о проблеме понимания и истолкование смысла в истории правовой мысли см.: 7, с. 148-159; 10, с. 26-27; 13, с. 148-150]. Наполнение категории «смысл» содержанием в истории философии права происходит главным образом в процессе философско-мировоззренческой интерпретации, философского осмысления правового бытия путем применения тех или иных ти-

пов философствования к проблемам права и выведением знания из более общих мировоззренческих положений. Между тем, при этом понимание специфики эпохи изучаемой философии, отношений между философом и средой не исключается, ибо любая «философия зарождается в определенной ситуации», «представляет свою эпоху, выражая ее через отдельные моменты универсального» [11, с. 88, 90].

Список литературы

1. Андрусак Т. Г. Історія політичних та правових вчень: Навч. посіб. – Львів, 2001.
2. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Пер. с фр. – М, 2000.
3. Бабкін В. Д., Усенко І. Б. Нариси історії розвитку загальної теорії держави і права, філософії та енциклопедії права // Антологія української юридичної думки. Том 1. Загальна теорія держави і права, філософія та енциклопедія права / Редкол.: Шемшученко Ю. С. (голова) та ін. Упорядники: Бабкін В. Д., Усенко І. Б., Пархоменко Н. М. – К.: Видавничий дім «Юридична книга», 2002.
4. Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. – М., 1998.
5. Коришун А. М. Диалектика субъекта и объекта в познании. – М., 1982.
6. Коришун А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания. – М., 1988.
7. Луковская Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. – Л., 1985.
8. Малахов В. П. Философия права. – Учебное пособие. – М., 2002.
9. Пермяков Ю. Е. Лекции по философии права. – Самара, 1995.
10. Рабинович П. М. Проблемы понимания в правовом регулировании // Правоведение. – 1988. – № 5.
11. Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. – СПб., 2002.
12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк о герменевтике. – М., 1995.
13. Скакун О. Джерельна база наукових досліджень з історії політичних і правових вчень та інтерпретація політико-правового вчення // Вісник Академії правових наук України. – 1999. – № 3.
14. Філософія права: Навч. посібн. / О. Г. Данільян, Л. Д. Байрачна, С. І. Максимов та ін.; За заг. ред. О. Г. Данільяна. – К., 2002.
15. Черняк В. С. О смысле понимания и понимании смысла // Вопросы философии. – 1986. – № 8.
16. Честнов И. Л. История политических

и правовых учений. – СПб., 1996.

17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерк морфо-

логии мировой истории. – В 2-х т. – Т. 1. Всеми-
рно-исторические перспективы. – М., 1998.

М. А. Дамирли

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье анализируются проблемы соотношения истории философии права и истории правовой мысли, выделяются их общие и специфические черты. Одно из центральных мест при разграничении этих дисциплин отведено проблеме понимания. Автор приходит к выводу, что содержание категории «смысл» имеет философско-исторический и конкретно-исторический пласты.

М. А. Damirli

HISTORY OF PHILOSOPHY OF LAW AND HISTORY OF LEGAL THOUGHT: THE ISSUES OF THE CORRELATION

The author analyses problems of the correlation between the history of philosophy of law and the history of legal thought, emphasizing their general and specific features. One of the central aspects regarding the delimitation of those disciplines is attributed to the comprehension problem. The author concludes that the content of the category “sense” has both philosophical-historical and concretely-historical layers.